

ПОЖАЛУЙСТА, НЕ КОРМИТЕ ЭТИХ ПТИЦ

—
ДЕНИС ЛУШНЯНОВ
Родился в Москве, окончил
Институт журналистики,
коммуникаций и медиаоб-
разования МПГУ. Писатель
и журналист. Ведущий
подкастов, контент-мене-
джер издательских сервисов
«Литрес», обозреватель
радио «Нига».

ВЛАДИМИР ТОРИН. ПТИЦЫ. МОСКВА: МАНН, ИВАНОВ
И ФЕРБЕР, 2023. 812 С.

В этом городе всегда идет снег. Хуже всего, периодически, как по расписанию, случаются страшные снежные бури, во время которых город замирает, а люди пропадают. В одну такую бурю все меняется, но перед этим... перед этим мальчишка Финч — все почему-то называют его «отсталым» — возвращается домой в бедный район и понимает, что его дедушка попросту пропал. Делать нечего: Финч берется за расследование сам. Взрослым ведь нельзя доверять. И вообще, все они мерзкие! Вместе с одноклассницей Арабеллой им предстоит узнать тайну дома № 17, где они прожили с рождения, разоблачить «дядю» Арабеллы, узнать грязные секреты всех соседей (от бывшего шпиона до пронырливой мадам), раскрыть личности таинственных Птицелова и Портного и... и да, самое главное: узнать, что же это за существа такие — не-птицы? И как они незаметно живут рядом с людьми?

Жанр стимпанк не столь популярен на российском рынке, хотя называть его «жанром» и не совсем корректно: это скорее направление, которое разрослось далеко за пределы литературы. Это, можно сказать, целая субкультура. Но стимпанк, как верно подмечает Владимир Торин, — не только о паровых механизмах и шестеренках, но и об определенных типажах, тропках. Имея под рукой набор этих пестрых, иногда не совсем подходящих друг другу деталей, можно собрать на удивление прочный и работающий текст, который не будет заносить на резких виражах сюжета. Владимир Торин доказывает это «Птицами» — первым изданным в бумаге романом большого авторского стимпанк-цикла «...из Габена». Эта книга и построена по принципу незамысловатого, но искусно сделанного аппарата: Владимир Торин использует в качестве часового механизма классический сюжет о поиске пропавшего взрослого, только насаживает

на него причудливые шестеренки. Часики тикают исправно, механизм-то все тот же, проверенный веками, да только стоит приглядеться, и сразу видно руку мастера-часовщика. Гротескно-готический стиль — его визитная карточка.

Мир Торина гротескный во всем: отвратительные взрослые здесь свертотвратительны, а хорошие взрослые (да-да, такие тоже бывают!) свертхобаятельны. Харантеры некоторых героев доведены до абсурда: старший констебль абсурдно туп, консьержка абсурдно алчна и мерзостна, все местные аристократы абсурдно лицемерны, соседна мисс Чатни абсолютно пронырлива, а патологический врун мистер Булвин абсурдно много врет (даже каждый день вынашивает планы, кому бы что соврать, не любит повторяться). И заодно держит дома коллекцию плотоядных растений. Однако о Владимире Торине лучше говорить исключительно цитатами из самого Владимира Торина. Не будем упускать возможность.

«Он собирался отправиться в ботанический сад, где должен был соврать профессору Линдквисту, заведующему плотоядными растениями, что его, блувинские, мухоловки, мол, уже вымахали на добрых три фута, после чего намеревался посетить комитет ветеранов, где секретарю, мистеру Гордону, он бы сообщил, что больше не проживает в доме № 17, а переселился в дом № 21 и просит пересылать ему военную пенсию туда, а затем нужно было поспешить, чтобы перехватить где-то на маршруте мистера Дьюи, почтальона, и предупредить его о том, что в комитете что-то напутали и почему-то уверены, будто он переселился, — нужно было попросить его приносить пенсию и почту по прежнему адресу. По дороге домой мистер Булвин планировал постучаться в “Фонарь констебля” и сообщить мистеру Додджу или его помощнику мистеру Перкинсу, что в Горри объявился опасный преступник, и подробно этого несуществующего преступника

описать. Между делом по пути должны были встретиться свихнувшийся старикан мистер Перри, стационарный смотритель, парочка кондукторов в трамваях, ну, и нельзя забывать о вероятности оказаться на соседнем сиденье с разговорчивыми попутчиками. На них всех у мистера Блувина был припасен свой обман».

Нисточной с чернилами гротесна Владимир Торин проводит и по дено-рациям: однообразные улицы бедного района, где живет Финч, контрастируют с подчеркнуто-пестрыми улицами другого квартала, полного вывесок и рекламных объявлений; если в кафе подают пирожные, значит, они обязательно «самые лучшие!», если рекламируют лосьон от облысения, то назовут его не иначе как «Партилюрр. Шевелюра шевелюр». Или вот еще показательный фрагмент: «...на проспектах стояли тумбы, афиши на которых сообщали о каном-то “исключительно занимательном” спектакле “Гадный жених”. Подписи уверяли, что, если вы пропустите эту “головопомрачительную и умонружительную” пьесу, у вас тут же появится плешь, а в кармане заведется мышь». Для взрослых этого мира такой гротеск абсолютно нормален, это часть их повседневности. Только дети, нажется, нет-нет да и замечают, что все это — какие-то хлипкие дено-рации дурного сна, быстро обращающегося кошмаром. На месте «Птиц» можно запросто представить, например, «Нос» Гоголя или «Историю одного города» Салтыкова-Щедрина, только в иной обертке. Но глуповцы везде остаются глуповцами.

К слову, об обертке: роман не гонится за фантастическим допущением ради фантастического допущения, и это выдает во Владимире автора со стажем. Погодные условия (снег, бури) здесь изменили жизнь людей. Повлияли и на технологии (появились, например, специальные решетки-обогреватели в прихожих, где быстро тает снег), и на экономику с политикой (кто-то делает на снежных бурях огромные деньги), и на общий эмоциональный фон: тяжело представить солнечных и улыбчивых людей в городе с вечной зимой. Да и сами «Птицы» сюжетно нарастают, как снежная буря. С каждой новой улиной действие становится все более напряженным, а с началом непогоды и вовсе схлопывается до герметичного состояния: сначала ужимается до событий в доме № 17, потом — до некоего особняка. Ненуда бежать. Вонруг творятся ужасные вещи. Что остается героям? Только надеяться друг на друга: помогать, поддерживать и пытаться принести свет в чужие жизни. Ведь взрослые, похоже, ни на что не способны (все они не те, нем нажутся). Зачем помогать, спрашиваете?

Цитируя роман: а как иначе?